

УДК 821.161.1.09«18»

**ВЛИЯНИЕ В.А.ЖУКОВСКОГО
НА ФОРМИРОВАНИЕ
РОМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Е.А.БОРАТЫНСКОГО**

С.В.Рудакова

*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный университет (Россия)*

В статье исследуется влияние В.А.Жуковского на формирование романтической системы Е.А.Боратынского. Отмечено, что от Жуковского Боратынскому передается углубленный интерес к духовному миру человека, увлеченность исследованием души и психологии человеческой. Разрабатывает Боратынский вслед за Жуковским мотивы страдания, веры, возвышенного отношения к женщине и т.д.

***Ключевые слова:** романтическая поэзия Боратынского, лирика Жуковского, внутренний мир человека, вера, страдание.*

Если вхождение в литературу Боратынского было связано с его увлечением эпикурейской романтической поэзией К.Н.Батюшкова, то в начале 1820-х годов лирика Боратынского подпадает под особое влияние Музы В.А.Жуковского, без которого невозможно представить русскую литературу первой половины XIX века. Даже сами имена Жуковского и Батюшкова в сознании уже их современников «всегда как-то вместе ложатся под перо» [1, 143].

Значимость Жуковского в русской культуре переоценить невозможно, об этом размышлял ещё Пушкин, в письме 1825 г. с уверенностью заявивший: «Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности» [2, 94]. И к настоящему времени интерес к творчеству этого поэта не ослабевает. Тем не менее по-прежнему остается много спорных вопросов, в частности, о характере художественных взглядов поэта. Нас же интересует проблема влияния романтической лирики Жуковского на формирование романтизма Боратынского.

Одним из первых, кто заговорил об определенной близости поэзии Боратынского и Жуковского, стал А.С.Пушкин. В своей незаконченной статье, посвященной анализу творчества друга, Пушкин, выявляя ряд особенностей поэтики Боратынского, высказал такую мысль: «Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды» [3, 154].

О том, насколько самому Боратынскому был близок Жуковский, свидетельствует множество фактов. Так, например, именно Жуковскому Боратынский адресует письмо-исповедь [4] о проступке, совершенном им в юности, в период пребывания в Пажеском корпусе, и изменившем его судьбу. Не скрывает Боратынский и своего восторженного, почти коленопреклоненного отношения к лирике своего старшего товарища. Подобные признания обнаруживаются, в частности, в его переписке с тем, кто становится для него своеобразным ангелом-заступником, Гением-покровителем (как и для Пушкина, оказавшегося в начале 20-х гг. в южной ссылке): «Я любил вас, плакал над вашими стихами прежде, нежели мог предвидеть, что мне могут быть полезны прекрасные качества вашего сердца. <...> хвала поэзии, поэзия есть добродетель, поэзия есть сила; но в одном только поэте, в вас, соединены все ее великие свойства» [5].

Следует отметить, что влияние поэзии Жуковского на романтическую лирику Боратынского имеет иной характер, чем воздействие со стороны творчества Батюшкова. Проявляется оно прежде всего в выборе поэтического объекта, а также в подходах к созданию художественных образов.

Подобно Батюшкову, Жуковский стремится отразить в своей лирике собственный психологический опыт, однако выбирает для этого иной путь. Основным принципом, характеризующим это движение, определяется формулой: «Жизнь и Поэзия одно» [6, 235]. Стоит заметить, что задолго до появления этой формулы в своеобразном эстетическом манифесте (стихотворении «Я Музу юную, бывало...», 1824) подобный принцип был осмыслен поэтом в личных дневниках, став основой его «жизнестроительства» (для Жуковского принцип связи жизни и творчества, выраженный в скупых строках дневника: «Жить как пишешь», – становится неким нравственным законом, которому он стремится следовать; а в дневниковых записях от 15 сентября 1814 г., адресованных Маше Протасовой, им формулируется следующий постулат: «Вот мой кодекс. Писать (и при этом правило – жить как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков)» [7, 63, 91]). Созвучие с декларацией Батюшкова бесспорно; в стихотворении «К друзьям» (1815) [8, 164] поэтический девиз сформулирован поэтом так: «И жил так точно, как писал...», в статье же «Нечто о поэте и поэзии» (1816) он приобрел более масштабное звучание: «Живи, как пишешь, пиши, как живешь» [9, 120]. Однако, как видим, Жуковский опережает своего современника в выборе концептуальных принципов романтического мировоссоздания, а главное – по-своему расставляет акценты.). И, наверное, не случайно, что именно по поводу этого автора Белинский заявил: «Жуковский был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни» [1, 190]. И несмотря на то, что большая часть наследия Жуковского – это его переводы, тем не менее и в них он демонстрирует глубину постижения внутреннего мира человека, оказываясь способным наполнить любое свое произведение глубоко личными переживаниями. И нельзя не согласиться с А.Н.Веселовским, заметившим, что Жуковского отличает «умение не только питать чужой мыслью свою собственную, но и находить в чужих образах и метрах формы для выражения своего наболевшего чувства» [10, 398].

Создавая своего лирического героя, Жуковский не просто наделяет его автобиографическими чертами (подобное обнаруживается у Батюшкова, а позже и у Давыдова, Вяземского, Бенедиктова и других). Как точно подмечает В.И.Сахаров, «гениальность романтической лирики Жуковского» «в некоторой намеренной размытости, обобщенности, объективности лирического «я», постоянной соотнесённости его с общезначимым опытом чувствований и размышлений тогдашних читателей. «Я» поэта все время переходит в безличное «мы». Это автобиография не конкретного человека, но поэтически обобщенной русской души, полностью отражающейся во всем том, что она образно и точно говорила в лирических признаниях, и потому интересной и оригинальной и в переводных стихотворениях» [11, 95–96].

Размышляя о сущности романтизма, Белинский дает ему определение, не утратившее актуальности и в современном литературоведении: «В теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца» [1, 145].

По сути можно утверждать, что Жуковский вводит в русскую поэзию романтический принцип «самовыражения» лирического «я». Проблема изображения внутреннего мира человека становится в его лирике определяющей. Жуковский-романтик раскрывает удивительную сложность личности, полет её фантазии, неиссякаемость её мыслей, глубину и яркость чувств, безграничность стремлений; в отличие от классицистов, он подчеркивает, что человек в своих поступках и желаниях не подчиняется рациональным мотивировкам и алгоритмам, лишен какой-либо однозначности, не вмещается в какую-то заранее заданную «форму». Даже сам внешний мир по отношению к лирическому герою у Жуковского описывается особенно. Автор обращает внимание именно на те проявления бытия, на которые откликается сознание его лирического героя. Можно говорить, что в его лирике представлено сложное взаимодействие внешнего и внутреннего мира человека.

Открытия Жуковского не могли оставить Боратынского равнодушным, под их влиянием в произведениях начала 1820-х годов он воссоздает переосмысленные, романтизированные, проведенные через горнило поэтической «топки» личные переживания. С одной стороны, в чертах его лирического героя угадывается духовный облик самого поэта,

но с другой – создается ощущение, что Боратынский раскрывает внутренний мир героя времени 20-х гг. XIX в., которого отличает преждевременная старость души, глубокая разочарованность во всем, неспособность отдаться жизни и получить от неё удовольствие... Так, например, подобное мы обнаруживаем уже в «Финляндии» (1820, 1826). Реальный автобиографический подтекст стихотворения в процессе развертывания поэтической мысли как бы растворяется, личное «Я» Боратынского, поначалу доминирующее в произведении, постепенно подменяется обобщенным образом. В какой-то момент лирический герой поэта начинает ощущать себя представителем рода человеческого, задумываясь о вечных законах бытия: «Что ж наши подвиги, что ж слава наших дней, / Что наше ветреное племя? / О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет! / Для всех один закон – закон уничтоженья!» [12, 73]. В подобном выстраивании образа лирического героя угадывается влияние романтической поэтики Жуковского.

Наиболее часто подобная организация поэтического текста, когда мысль автора движется от частной личной ситуации или автобиографического образа к некому жизненному обобщению, соотносённому с переживаниями человека вообще, обнаруживается в посланиях Боратынского к Коншину, Дельвигу, Луговскому.

От Жуковского Боратынскому передается углубленный интерес к духовному миру человека, обостренная восприимчивость переживаний, увлеченность исследованием души и психологии человеческой.

Главным объектом поэтических описаний и размышлений у Жуковского оказывается душа человека. Поэта ничто так не интересует, как внутренние переживания, эмоциональные изменения личности, попадающей в разные психологически напряженные ситуации, задумывающейся о вечных вопросах бытия. Ещё П.А.Вяземский, анализируя поэтический лексикон этого поэта, неожиданно обнаружил, что самым часто встречающимся образом оказывается «душа»: «У Жуковского всё душа и всё для души» [13, 170].

Боратынский идет вслед за своим старшим товарищем по лире. Подобно Жуковскому, он обращается к внутреннему миру человека, к его душе, делая её главным объектом своих поэтических описаний. Однако характеристики, которыми он наделяет этот образ, существенно отличаются от того, что предлагал Жуковский.

Так, самым частотным вариантом в описании души у Жуковского является эпитет «чистая» («с чистой душою» [14, 19], «кто душою *чист* и светл, как божество» [14, 44], «душа твоя *чиста*» [14, 87], «небесно-чистая душа» [15, 255]...). Раскрывая мир души, Жуковский обращает внимание на то, что она может быть ясной, пламенной, открытой, восхищенной, очарованной, мирной, её отличает порыв, устремленность в мир неведомый, но манящий, потому для характеристики души поэтом используются глаголы верить, расцветать, лететь, возвышаться... И даже тогда, когда упоминаются сомнения, страдания, болезни, переживания, лирический герой воспринимает эти состояния как нечто временное, быстро преходящее, ибо его сознание устремлено к свету, вера наполняет его лирику особой эмоцией, не позволяющей мраку, отчаянию подчинить себе душу.

В поэтическом мире Боратынского душа предстает совсем в ином ракурсе. Наиболее часто встречающимся рядом со словом душа оказывается эпитет «больная» («больной душе» [12, 67], «души твоей *больной*» [12, 74], «в душе *больной* от пищи *многой*» [12, 82]...). Душа лирического героя Боратынского утрачивает свою изначальную «полетность», её «тяготит мучительный недуг» [12, 74]. Потому в её описании в лирике Боратынского появляются (немыслимые в поэтическом мире Жуковского) характеристики: она слепа, устала, пасмурна, наполнена печалью... И почти закономерным в этом ряду оказываются такие определения души, как «мертва душа моя» [12, 78] и «безумная душа» [12, 194], раскрывающие бездну отчаяния лирического героя, соприкоснувшегося с несправедливостью мира и задумавшегося о парадоксах человеческого бытия. И, наверное, не случайно, размышляя о предназначении поэта, о его трагическом уделе ценою «сердечных судорог» познавать тайны души человеческой и бытия мира, Боратынский дает творцу выразительную характеристику: «Постигнул таинства страданья / Душемутительный поэт» [12, 134].

Размышляя о поэтах, уже ушедших из жизни и близких ему по духу, Боратынский вслед за Жуковским, ассоциативно связывает мир, где они пребывают, с чем-то сакральным, дорогим для сердца. У Жуковского – это милая небесная сторона: «Не мнится ль ей, что отческого дома / Лишь только вход земная сторона? / Что милая небесная знакома / И ждущею семьей населена?» («На кончину ее величества королевы Виртембергской», 1819) [15, 122], мысль о которой рождает в душе лирического героя поэта тепло. У Боратынского – это закоцитная сторона, пространство Элизиума, которое для лирического героя поэта ассоциируется с родным и счастливым миром: «Верь, в закоцитной стороне / Прием радушный будет мне: / Со мною музы были дружны! / Там, в очарованной тени, / Где благоденствуют поэты, / Прочту Катуллу и Парни / Мои небрежные куплеты, / И улыбнутся мне они» [12, 93] («Элизийские поля», 1821); «В садах Элизия, у вод счастливой Леты, / Где благоденствуют отжившие поэты» [12, 117] («Богдановичу», 1824). Интересно, что образ, предложенный Жуковским-романтиком и осмысленный в романтической поэзии Боратынским, оказался дорог и А.С.Пушкину, который в своей уже зрелой поэзии продолжает начатое его современниками раздумье о судьбе умерших поэтов, которые мыслятся им как семья. Подобная картина создается в нескольких произведениях: «Они (поэты – С.Р.), бессмертие вкушая, / Их (друзей – С.Р.) поджидают в Элизей, / Как ждет на пир семья родная / Своих замедливших гостей...» (16); «И мнится, очередь за мной, / Зовет меня мой Дельвиг милый, / <...> / Туда, в толпу теней родных / Навек от нас утекший гений» [17].

Жуковский увлечен разработкой вопросов нравственно-религиозного характера, неразрывно связанных с романтическими представлениями о мире (разработке этой проблемы посвящена монография Ф.З.Кануновой и И.А.Айзиковой, в которой в основном на материале именно поэзии В.А.Жуковского выявляется органическая связь нравственно-философских исканий русского романтизма 1820–1840-х гг. с религиозными вопросами [18]). Категория «веры» становится для его творчества одной из важнейших, христианская религия воспринимается поэтом как некий фундамент человеческого мировосприятия, потому и звучат в его лирике такие мысли: «Лучший друг нам в жизни сей / Вера в провиденье / Благ зиждителя закон ...» [19, 39]; «Зла создатель не творит» [20, 10]...

Для Боратынского понятие «вера» также оказывается принципиально важным в построении общей поэтической системы, однако значение этой категории оказывается совсем иным. Поэт идет не от аксиоматического утверждения веры, а к теоремному доказательству необходимости веры в жизни человека, само же обращение к Богу приобретает характер теодицеи (причем это оправдание Бога не только перед лицом мира, но и для самого себя, ибо, в отличие от лирического героя Жуковского, герой Боратынского порой испытывает состояние «разуверения» во всем и даже в самом мире, созданном Богом). Под влиянием Жуковского Боратынский в раннем творчестве отождествляет поэзию и добродетель.

Мотивы страдания, столь значимые в лирике Боратынского, впервые в романтической форме осмысливаются именно Жуковским, ставшим одним из первых русских романтиков, задумавшихся о важной роли страдания в жизни человека (Так, в своем дневнике В.А.Жуковский оставляет такую запись относительно страдания: «... страдание составляет настоящее величие жизни. Это лестница. Наше дело взойти; что испытание, то ступень вверх; радости можно назвать этими площадками, которые отделяют ряд ступеней от другого – они служат только отдохновением и переходом для новых усилий, для новых возвышений. Звезды. Тени, etc. etc.» [21, 129]). На это качество поэзии Жуковского впервые обратил внимание ещё В.Г.Белинский, написавший, что «скорбь и страдания составляют душу поэзии Жуковского», что «Жуковский, как поэт по преимуществу романтический, был на Руси первым певцом скорби» [5, 189]. И в его лирике мы можем найти множество строк, где обнаруживаются описания этого состояния, которое лишается восприятия чего-то страшного, мучительного, более того, именно переживание страдания, по мнению Жуковского, приобщает человека к пониманию истин бытия: «Жизнь, мой друг, бездна / Слез и страданий... / Счастлив стократ / Тот, кто, достигнув / Мирного берега, / Вечным спит

сном.» [14, 20]; «Сей мир вертеп страданий, слез; / Ты с жизнью в него блаженства не принес; / Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений, / Влачи до гроба цепи зол!» [14, 50]; «...боги для счастья / послали нам жизнь — / Но с нею печаль неразлучна / <.....> / Страданье в разлуке есть та же любовь; / Над сердцем утрата бессильна» [14, 382]... Жуковский свое романтическое видение страдания связывает с христианскими воззрениями, полагая, что каждому дается по мере сил его, а кроме того, каждому воздастся за труды его и муку, с этими мыслями связан, в частности, образ мира «ТАМ», что за границей, отделяющей жизнь от смерти, где проявляется всё лучшее, что было с человеком в его земной жизни: «Есть лучший мир; там мы любить свободны; / Туда моя душа уж все перенесла; / <...> / там наше воздаянье» [14, 166]. Размышляя о страдании и в лирике, и в своих письмах (так, в письме к Александру Ивановичу Тургеневу, характеризуя состояние душевого отчаяния и разлада, поэт использует выразительную метафору «душа разорвана в клочки» [22, 176]), поэт не только пытается преодолеть это состояние, превозмочь то отчаяние, что оно порой рождает, но и увидеть в страдании нечто положительное, почерпнуть в переживаемом нечто прекрасное и сделать это источником вдохновения.

Подобное отношение к страданию обнаруживается в ранней лирике Боратынского. С одной стороны, страдание, по мысли поэта, – неразрывная часть бытия: «Кто заглушит воспоминания / О днях блаженства и страдания, / О чудных днях твоих, любовь?» [12, 112], – но с другой стороны, страдание – необходимое условие приобщения к прекрасному и идеальному состоянию души и тела человека: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; / Не испытал его, нельзя понять и счастья» [12, 74]. Однако страдание, как и другие состояния человека, в лирике Боратынского получают более глубокую психологическую разработку.

Воспринял от своего старшего товарища Боратынский и особое коленопреклоненное отношение к женщине, проявляющееся в ряде стихотворений середины 1820-х гг. («Звезда» (1824), «Она» («Есть что-то в ней, что красоты прекрасней», (1826)), в которых воссоздан своеобразный идеал возлюбленной, лишенной, как и у Жуковского (яркий пример подобного отношения к женщине – ситуация, представленная в стихотворении «Песня»: «Мой друг, хранитель-ангел мой, / О ты, с которой нет сравненья, Люблю тебя, дышу тобой; / Но где для страсти выраженья?» [14, 129]), каких-либо портретных черт, да и вообще чего-то земного, и напоминающий некое ангелоподобное, почти эфемерное существо, наполняющее душу человека светом и радостью: «Ту назови своей звездой, / Что с думою глядит, / И взору шлет ответный взор, / И нежностью горит» [12, 122]; «Когда ты с ней, мечты твоей неясной / Неясною владычицей она: / Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной / Присутствием душа твоя полна» [12, 135].

Для Жуковского характерно не только одушевление природы, но и умение обостренно вслушиваться в природный мир, передавая его разнообразные звуки, которые не сливаются воедино, а существуют в отдельности. И эти качества обнаруживаются и в лирике Боратынского, который, вслед за Жуковским, стремится показать внутреннюю связь человека и природы, создать свой «пейзаж души».

Общность обоих художников проявляется и в отказе от четко выраженной концепции осмысления мира, в понимании любого явления жизни как сотканного из противоречий, в тяготении к изображению контрастных реалий бытия.

Плавность линий, музыкальность, особая ритмическая и интонационная гибкость, способствующие созданию выразительных и пластичных картин, многозначность создаваемых образов, позволяющая передать различные психологические состояния человека, некоторые мотивы и образы – всё это в романтической поэзии Боратынского оказывается во многом привнесённым из лирики Жуковского, правда, подвергшимся существенному творческому преобразению, что ещё раз подчеркивает гениальность как учителя, так и ученика.

2. Пушкин А. С. Письмо Рылееву К.Ф. от 25 января 1825 г. Из Михайловского в Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений: В 10 т. – Т. 10. – Письма. – Л., 1979.
3. Пушкин А. С. Баратынский // Пушкин А. С. Указ. соч. – Т. 7. – Критика и публицистика. – Л., 1978.
4. Письмо Е.А.Боратынского В.А.Жуковскому от 20–25 декабря. Роченсальм // Летопись жизни и творчества Е.А.Боратынского / Сост. А.М.Песков. – М., 1998. – С. 129-132.
5. Письмо Е.А.Боратынского В.А.Жуковскому от 5 марта. Роченсальм // Летопись жизни и творчества Е.А.Боратынского. – С. 136.
6. Жуковский В. А. «Я Музу юную, бывало...» // Жуковский В. А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. – Т. 1. – Стихотворения 1797-1814 годов. – М., 1999.
7. Жуковский В. А. [Дневники], 1814 // Жуковский В. А. Указ. соч. – Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. – М., 2004. – С. 63, 91.
8. Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. – Т. 1. – СПб., 1887.
9. Батюшков К.Н. Указ. соч. – Т. 2. – 1886.
10. Веселовский А. Н. В.А.Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – М., 1999.
11. Сахаров В. И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили. – М., 2004. – С. 95-96.
12. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. – Л., 1989.
13. Остафьевский архив князей Вяземских. – СПб., 1899. – Т. 2.
14. Жуковский В. А. Указ. соч. – Т. 1.
15. Жуковский В. А. Указ. соч. – Т. 2. – Стихотворения 1815–1852 годов. – М., 2000.
16. Пушкин А. С. «Люблю ваш сумрак неизвестный...» (1826) // Пушкин А.С. Указ. соч. – Т. 2. – Стихотворения, 1820-1826. – Л., 1977. – С. 262.
17. Пушкин А. С. «Чем чаще празднует Лицей...» (1831) // Пушкин А. С. Указ. соч. – Т. 3. – Стихотворения, 1827–1836. – Л., 1977. – С. 215-216.
18. Канунова Ф. З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. (1820-1840-е годы) / Ф. З. Канунова, И. А. Айзикова. – Новосибирск, 2001.
19. Жуковский В. А. Светлана // Жуковский В. А. Указ. соч. – Т. 3. – Баллады. – М., 2008. – С. 31-39.
20. Жуковский В. А. Людмила // Жуковский В.А. Указ. соч. – С. 9-16.
21. Жуковский В. А. [Дневники], 1818 // Жуковский В.А. Указ. соч. – Т. 13. – С. 129.
22. Письма В.А.Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу // Русский архив. – М., 1895.

Рудакова С. В. Вплив В.А.Жуковського на формування романтичної системи Є.Ф.Боратинського.

У статті досліджується вплив В.А.Жуковського на формування романтичної системи Є.А.Боратинського. Відзначено, що від Жуковського Боратинському передається поглиблений інтерес до духовного світу людини, захопленість дослідженням душі і психології людської. Розробляє Боратинський услід за Жуковським мотиви страждання, віри, піднесеного ставлення до жінки тощо.

Ключові слова: романтична поезія Боратинського, лірика Жуковського, духовний світ людини, віра, страждання.

Rudakova S. V. V.A.Zhukovsky's Influence on the Formation of the Romantic System of E.A.Boratynsky.

In article investigates the influence of V.A.Zhukovsky on the formation of the romantic system of E.A.Boratynsky. It is noted that Zhukovsky passed to Boratynsky an in-depth interest to the inner world of man and fascination with the study of the soul and man's psychology. Boratynsky as well as Zhukovsky develops the motives of suffering, faith, lofty attitude to woman.

Key words: romantic poetry of Boratynsky, lyric poetry of Zhukovsky, inner world of man, faith, suffering.